

УДК 332.142.4 : [620.9 : 622.24.085.5](470.23)

Морская энергетика в экономическом развитии России

А.М. Ершов

Технологический факультет МГТУ, кафедра технологии пищевых производств

Аннотация. В статье рассматривается попытка морского возрождения России и сущность концепции нового регионализма. Отражается связь между процессами глобализации и развитием морской деятельности прибрежных государств, раскрываются функциональные направления национальной морской политики РФ, обосновывается значение морской энергетике в стратегическом развитии Кольского полуострова.

Abstract. The paper considers the way of marine revival of Russia and the concept of new regionalism. The connection between globalization and development of marine activity of coastal states has been shown, some functional directions of the national marine policy in the Russian Federation have been given. The meaning of the marine energy in the strategic development of the Kola Peninsula has been substantiated as well.

1. Введение

В основе современных тенденций и факторов глобализации мировой экономики лежит доминирование противостояния ведущих мировых держав в борьбе за контроль над экономическим оборотом природных ресурсов не только в глобальных процессах развития цивилизаций, но и в обеспечении устойчивого социально-экономического развития общества на региональном уровне.

Расширение мирового конфликтного пространства в начале XXI века носит глобальный характер и все больше фокусируется на невероятном ранее и очевидном сегодня конфликте цивилизаций.

Поэтому экономика побережья Кольского полуострова в ближайшем будущем (примерно до 2015 г., в пределах начальной стадии постиндустриального цикла экономической конъюнктуры России) будет определяться масштабами и интенсивностью освоения природных ресурсов, главным образом морских. Это предполагает лидирующее значение морской энергетике в стратегическом развитии региона. Следовательно, освоение морских месторождений углеводородов становится приоритетным направлением экономической морской деятельности, определяющим облик региона не только в межрегиональном, но и в международном разделении общественного производства.

2. Сущность концепции нового регионализма

Следует признать, что морская деятельность современной России носит региональный или очаговый характер, пытаясь, не всегда успешно, встроиться в устоявшуюся континентальную цивилизацию.

Общие тенденции развития морских (талассократических) и континентальных (теллургических) цивилизаций достаточно полно исследованы в (Панов, 2005), причем во втором случае значение морской деятельности в производстве ВВП уступает другим отраслям хозяйства и составляет не более 10 % общего объема, а национальные интересы страны направлены на развитие внутренних территорий.

Для таких государств характерна политика изоляционизма, закрытость социально-экономического развития, ориентация главным образом на собственные ресурсы и научно-технический потенциал. Классический пример континентальной цивилизации – США до и в период Великой депрессии, когда недооценка морской деятельности в развитии страны в совокупности с другими вытекающими обстоятельствами привела к национальной катастрофе в Пирл-Харборе. Аналогичный пример существует и в истории нашей страны, по той же причине – своя национальная трагедия, свой Пирл-Харбор: по существу, полная потеря флота, причем в мирное время, с незабываемой эпопеей "Комсомольца" и "Курска".

В этом случае страна по определению не имеет национальных интересов в Мировом океане, которые появляются с зарождением в обществе основ морской цивилизации.

Очередная попытка морского возрождения России предпринимается сегодня.

Привлекательность морской деятельности для населения России ограничена, в основном, внутренними морями – Черным, Балтийским, Каспийским; климатические условия накладывают ограничения на функционирование систем морского хозяйства в морях Северного Ледовитого океана, за исключением частично Баренцева и Белого. Кроме того, значительная удаленность большей части территории России от побережья не позволяет сформировать устойчивые национальные связи в сфере морепользования. Этому же сопутствует практически отсутствующая критическая инфраструктура на

большей части российского побережья (имеется в виду главным образом трасса Северного морского пути), а также институциональное обеспечение морской деятельности, причем не только в правовом, но и в мировоззренческом смысле.

Однако следует иметь в виду, что географическое положение государства (размеры территории, протяженность границ на суше и море, возможность свободного выхода в моря и океаны и доступа к морским ресурсам, рельеф местности, обеспеченность сырьевыми ресурсами, гидрометеорологические и климатические условия), во многом определяющее геополитические взгляды, в результате стремительного общественного (в том числе технологического и информационного) развития в значительной степени утратило ведущее значение при построении различных геополитических конструкций.

Такая же эволюция характерна и для национальной морской политики ведущих мировых держав, приоритетом которых стало не столько владение морским пространством, сколько возможность использования морского пространства и ресурсов в целях социально-экономического развития, то есть экономическое обладание морем. В геоэкономической конструкции практически всех государств, даже не имеющих выхода к морю, присутствуют элементы обеих цивилизаций.

Следовательно, на геополитическом и геоэкономическом пространстве континентальной России может вполне успешно сформироваться и развиваться региональная морская цивилизация. В этом состоит сущность концепции нового регионализма (неорегионализма) (Бурцев и др., 2006): каждый регион имеет собственный вектор развития и особую, т.е. отличную от национальной, направленность этого вектора.

Собственно, не имея сформулированных и доктринально закреплённых стратегических интересов в Мировом океане, то есть Морской стратегии, Россия не стремится ни к завоеванию господства на морских пространствах, ни к экономическому обладанию морем. Этому вопросу посвящено фундаментальное научное исследование (Корзун, 2005). Национальные интересы России в Мировом океане также исследованы в (Крамаренко, 2006), а в морях Европейской Арктики – в (Литовка и др., 2006).

При этом морская стратегия представляется как "система крупномасштабных целей национального значения, реализация которых обеспечивается эффективным использованием комплексного (экономического, ресурсного, военно-морского и т.п.) потенциала морской деятельности" (Столбов, 2007) для достижения радикальных (качественных) изменений социально-экономического развития на национальном и региональном уровнях, и в концепции неорегионализма рассматривается как основа развития производительных сил в Арктике (Гранберг, 2006).

Экономическое освоение морских месторождений нефти и газа целесообразно позиционировать как в системе целей национальной энергетической политики, так и в качестве функциональной составляющей национальной морской политики, основные параметры которой определены Морской доктриной РФ (Морская доктрина..., 2001).

С позиций концепции нового регионализма приоритетами функционирования морской экономики в сфере нефтегазодобычи являются: развитие экономики региона на основе лидерства морской энергетики; обеспечение национальной безопасности в районах освоения морских месторождений углеводородов и в стратегической перспективе повышение роли морской энергетики в системе энергетической безопасности России.

Новый регионализм означает начало формирования морского мировоззрения, выделение приморских регионов, развитие которых закладывает основы морской цивилизации. В последующем этот императив распространяется в пределе на всю Россию, то есть обозначается направление вектора социально-экономического развития страны – от морской периферии к континентальному центру.

3. Глобализация в морской экономике

Освоение Мирового океана приобретает особое значение в эпоху глобализации, когда континентальное пространство, благоприятное для экономического развития, находится на грани исчерпания своего потенциала, главным образом, ресурсного.

Понятие глобализации, как феномена цивилизационного развития, введено в научный оборот Т. Левиттом, по которому в основе этого процесса лежит развитие и распространение технологий, при этом образуется новая реальность – глобальный рынок технологической продукции (Levitt, 1983; Савельева, 2003), т.е. проблема рассматривается с позиций индустриального развития.

Кроме того, глобализацию следует понимать как растущую экономическую (хотя глобализация не является только экономическим феноменом) взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных перемещений товаров, услуг и международных потоков капитала, а также благодаря более быстрой и широкой диффузии технологий (Шишков, 1998). Иными словами, глобализация – беспрецедентный дотоле уровень взаимозависимости экономики разных стран, качественное ускорение в масштабах всей планеты обмена товарами, услугами, капиталом, информацией и т.п. (Globalization, 1995).

Существует определенная (в рамках морской цивилизации непосредственная, при континентальной – опосредованная) связь между процессами глобализации и развитием морской деятельности прибрежных государств.

"Опираясь на некоторые выходящие к морю районы, государства ведут освоение океанических пространств и ресурсов. Такие районы оказывают зачастую существенное влияние на формирование океанической политики, поскольку соотносят ее с реальной социально-экономической жизнью. Сопряжение подходов и интересов в океанической сфере, с одной стороны, отдельных государств и мирового сообщества, а с другой – приморского населения и хозяйствующих субъектов, превращается в одну из ключевых задач формирования и реализации Морской стратегии России. В условиях глобализации существенно возрастает роль прибрежных субъектов отдельных стран как участников системы межгосударственного регионального сотрудничества и управления океанической деятельностью в совместно используемых морских бассейнах" (*Теория и практика...*, 2006).

Экономический аспект глобализации состоит в создании условий для углубленного международного разделения труда, что совершенно справедливо приведет к повышению эффективности общественного производства, а следовательно, и к повышению благосостояния людей.

Однако весь вопрос не в производстве общественного продукта в качественно и количественно большем масштабе, а в алгоритме распределения результатов мировой хозяйственной деятельности.

Экономическое содержание нового разделения труда заключается в том, что США, Великобритания, ФРГ, Франция и Япония сосредоточат усилия на развитии НИОКР и производстве высокотехнологичных товаров и услуг, приносящих наибольшую добавленную стоимость. Еще около двух-трех десятков государств будут вовлечены в технологические цепочки в качестве поставщиков комплектующих и исполнителей некоторых других производственных функций. Остальным странам уготована роль поставщиков сырья (добыча которого почти не приносит добавленной стоимости), а также рынков сбыта для продукции лидеров.

Методология организации и стратегия развития морехозяйственного комплекса достаточно полно и впервые комплексно разработана в (*Савельева*, 2006). Здесь важно то, что пространственная переориентация национальных интересов России в акваторию морей Европейской Арктики (то есть выбор Арктического направления национальной морской политики при сужении театра и геоэкономического атласа на Балтике и Черном море) – это не простая компенсация потерь, а стратегическое завоевание и удержание конкурентного преимущества страны в условиях нарастающей глобализации и экономической экспансии мировых держав (*Соловьёва*, 2006).

Реализация этой цели представляется вполне обоснованной, так как обеспечивается комплиментарностью совокупности условий и факторов, сложившихся в рамках морской экономики Европейской Арктики как в пространственном, так и в функциональном аспектах; это главным образом возрастание вызовов и угроз с морских и океанских направлений в Арктике, причем преимущественно со стороны морских держав, уникальное географическое и военно-стратегическое положение, обусловленное свободным выходом не только в Атлантический, но и через Северный морской путь в Тихий океан, наличие морских биологических ресурсов и запасов углеводородов промышленного значения в акватории континентального шельфа. Кроме того, Россия имеет вековой опыт освоения Севера и организации экономической (в том числе морской) деятельности в этом регионе.

4. Функциональные направления национальной морской политики в РФ

Морская доктрина РФ (*Морская доктрина...*, 2001) определяет следующие функциональные направления национальной морской политики:

– морские перевозки. Национальная морская политика в области морских перевозок заключается в реализации положений Концепции судоходной политики Российской Федерации, основными целями которой являются поддержание флота и прибрежно-портовой инфраструктуры на уровне, гарантирующем экономическую независимость и национальную безопасность государства, сокращение транспортных издержек, увеличение объемов внешнеторговых и транзитных перевозок через территорию страны;

– морское промышленное рыболовство. Рыбное хозяйство играет значительную роль в продовольственном комплексе страны и является одним из источников занятости населения в большинстве приморских регионов. В ближайшей перспективе основную часть рыбного сырья будут составлять биологические ресурсы исключительной экономической зоны Российской Федерации;

– освоение минеральных и энергетических ресурсов. Перспектива истощения запасов углеводородного сырья и других минеральных ресурсов на континентальной части предопределяет переориентацию разведки и добычи ресурсов полезных ископаемых на континентальный шельф, а в перспективе и на океанические склоны и ложа океанов. Кроме освоения морских месторождений углеводородов, морская энергетика включает комплекс освоения технологий выработки электрической

энергии с использованием приливно-отливных явлений, прибрежных приводных ветров и ветровых волн, температурного градиента воды, термальной энергии течений, а также тепловой калорийности биомассы водорослей.

– совершенствование научной деятельности. Реализация и защита национальных интересов Российской Федерации в области морской деятельности обеспечивается достижениями отечественной морской науки, фундаментальными и прикладными исследованиями и разработками, связанными с морской деятельностью в Мировом океане;

– осуществление военно-морской деятельности. Военно-морская деятельность Российской Федерации – это деятельность государства по изучению, освоению и использованию Мирового океана в интересах обороны и безопасности страны с участием военной составляющей морского потенциала.

Кроме того, выделяются пять (Атлантическое, Арктическое, Тихоокеанское, Каспийское и Индоокеанское) региональных направлений национальной морской политики, под которыми понимаются сферы морской деятельности, связанные с особенностями отдельных регионов России и мира, то есть это – совокупность наиболее значимых для России территорий и акваторий, объединенных общими физико-географическими, экономико-географическими, политико-географическими или военно-географическими характеристиками.

Однако при этом Морская доктрина РФ носит ярко выраженный прибрежный характер, по существу, подчеркивая тезис о том, что Россия страна континентальная, а ее национальные интересы в Мировом океане сводятся к "незыблемости суверенитета Российской Федерации, распространяющегося на внутренние морские воды, территориальное море, а также на воздушное пространство над ними, на дно и недра", а также "обеспечение суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации, осуществляемых в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе" (*Морская доктрина...*, 2001).

С таким подходом к морской деятельности сложно ожидать "укрепления позиции Российской Федерации среди ведущих морских держав" и эффективного противостояния внутренним и внешним вызовам и угрозам, в том числе и с морских стратегических направлений.

5. Лидирующее значение морской энергетики в стратегическом развитии региона

Следует подчеркнуть, что стратегической целью национальной морской политики в сфере энергетики является реализация юрисдикции и защита суверенных прав в исключительной экономической зоне на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов, как живых, так и неживых, находящихся на дне, в недрах и в покрывающих водах, управление этими ресурсами, производство энергии путем использования воды, течений и ветра, создание и использование искусственных островов, установок и сооружений, морские научные исследования и сохранение морской среды, а также реализация и защита суверенных прав России на континентальном шельфе при разведке и разработке ресурсов (*Морская доктрина...*, 2001).

В общем виде шельфом (термин "шельф" предложен Х.Р. Миллом в 1887 г.) считаются мелководные участки дна океанов, окраинных и внутренних морей, окаймляющие континенты и острова, имеющие относительно выровненную поверхность и незначительные уклоны. "Континентальный шельф Российской Федерации включает в себя морское дно и недра подводных районов, находящиеся за пределами территориального моря Российской Федерации на всем протяжении естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка". "Подводной окраиной материка является продолжение континентального массива Российской Федерации, включающего в себя поверхность и недра континентального шельфа, склона и подъема" (*О континентальном шельфе...*, 1995).

В акватории Мирового океана выделяются моря, полностью или значительной частью расположенные на континентальном шельфе (табл. 1).

Среди этих акваторий выделяются четыре моря, имеющие высокий биоресурсный потенциал: Баренцево, Балтийское, Желтое и Северное. Эти акватории относятся к наиболее продуктивным районам Мирового океана или к БМЭ ("большим морским экосистемам"). Понятие БМЭ ("Large Marine Ecosystems" – ЛМЕ) введено в научный оборот К. Шерманом (*Sherman*, 1994). БМЭ – это районы, имеющие высокий биоресурсный (полиресурсный) потенциал и подвергаемые растущему стрессу вследствие антропогенного (в том числе и хозяйственного) воздействия на природу. Побочным эффектом таких воздействий является усиленная эксплуатация биологических и минеральных ресурсов, нарушение естественных режимов в прибрежных зонах, сброс городских отходов и т.п. Следует подчеркнуть, что, кроме названных четырех, к БМЭ можно отнести также Ирландское море (но только вместе с Бискайским заливом, который не является шельфовой акваторией), Азовское море составляет БМЭ вместе с Черным, а Берингово – с Охотским.

Таблица 1. Характеристики некоторых шельфовых морей

Море	Тип	Площадь (тыс. км ²)	Средняя глубина (м)
Азовское	Внутреннее	39	7
Арафурское	Материковое окраинное	1017	186
Балтийское	Внутриматериковое	419	51
Баренцево	Материковое окраинное	1424	200
Берингово (шельф – 40 %)	Окраинное смешанного материково-океанического типа	2315	200
Восточно-Сибирское	Материковое окраинное	913	54
Желтое	Окраинное океаническое	416	38
Ирландское	Материковое островное	47	43
Карское	Материковое окраинное	883	111
Северное	Материковое окраинное	565	87
Черное (шельф – 25 %)	Внутриматериковое	422	120
Чукотское	Материковое окраинное	595	71
Яванское	Материковое межостровное	552	111

К полиресурсным (с позиций морских месторождений углеводородов и промышленного рыболовства) шельфовым морям относятся только Баренцево и Северное моря. Эти моря схожи по экономико-географическим чертам, природоохранным проблемам и – что особенно важно для настоящего исследования – по значению в геополитической и геоэкономической структуре современного мира. Северное море является акваторией ближней и частично дальней морской зоны стран НАТО, Баренцево море выполняет ту же функцию в России, то есть обладание этими морями позволяет субъектам морепользования распространить свое влияние на дальнюю, а в перспективе и океанскую морские зоны.

Концепция БМЭ дает возможность по существу раскрыть природно-хозяйственные закономерности развития морских геосистем. Однако морские шельфовые районы "не могут выступать в роли полных аналогов территориально-производственных систем суши" (Денисов, 2002), последние называются территориальными социально-экономическими системами (ТСЭС). Одной из ключевых особенностей новой парадигмы БМЭ является переход от организации товарного производства (рыбы, нефти и др.) к организации продуктивного потенциала экосистем и жизненно важных для человека нетоварных ценностей (Денисов, 2002). Это тезис важен в эпоху перехода к постиндустриальной модели развития, поскольку вопрос об адекватности рыночных императивов этой модели остается открытым.

Кроме того, морская среда является менее изученной, более труднодоступной и чуждой человеку, поэтому на экономическом морском пространстве по существу отсутствуют прочные устоявшиеся социально-экономические связи по поводу морепользования, что определяет пространственную конкуренцию между функциональными элементами системы морского хозяйства, прежде всего, рыболовством, освоением морских месторождений нефти и газа в акватории континентального шельфа и военно-морской деятельностью, причем эффективность каждого вида морской деятельности, как показано в (Козьменко и др., 2005), определяется уровнем экономической мобилизации системы морского хозяйства в целом.

Становления рациональной (с позиций обеспечения энергетической безопасности) морской экономики нефти и газа требует и стремительный рост энергопотребления (в том числе первичных энергоресурсов – ПЭР) в период роста национальной экономики. Следует подчеркнуть, что Россия в силу многих причин значительно опережает развитые страны по потреблению энергоресурсов. Прогнозно энергоемкость ВВП России превысит аналогичный показатель развитых стран в 3,5 раза, а в развивающихся – в 1,5 раза (табл. 2). Кроме того, данные табл. 3 свидетельствуют, что мировое потребление ПЭР в 2020 году составит 146,2, а в Китае даже 278,8 % к уровню 1990 года, в то время как Россия едва ли достигнет этого уровня. Поэтому значение морских месторождений в энергетическом балансе России увеличится к этому времени.

В условиях объективного роста энергопотребления, с одной стороны, необходима консолидация всех источников энергии в целях формирования устойчивого национального ТЭК, способного обеспечить энергетическую (внутреннюю и внешнюю) безопасность страны, а с другой – неизбежна конкуренция между ними. К тому же сложившаяся диспропорция распределения УВ-ресурсов через крупные материальные и финансовые затраты на развитие и поддержку межконтинентальных энергетических систем устойчиво трансформируется в проблему дорогой энергии со всеми вытекающими социально-экономическими и политическими последствиями.

Таблица 2. Среднегодовые темпы прироста ВВП и потребления ПЭР, %

	1991-2000 гг.	2001-2010 гг.	2011-2020 гг.
Промышленно развитые страны	2,2/1,55	2,5/1,05	2,6/0,9
в том числе США	3,0/1,25	2,9/1,30	2,7/1,0
Развивающиеся страны	4,9/3,45	4,9/3,2	4,7/3,0
в том числе КНР	9,1/3,0	7,4/3,20	6,6/3,1
Страны СНГ и Восточной Европы	-2,9/-3,50	3,5/1,10	5,5/1,2
в том числе Россия	-4,5/-3,0	4,5/1,35	5,5/1,1
Мир в целом	2,6/1,15	3,2/2,0	3,8/1,9

Таблица 3. Оценка потребления ПЭР (млн т у.т.)

	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Промышленно развитые страны	6575	7700	8640	9550
в том числе США	3025	3470	4000	4460
Развивающиеся страны	3140	4560	6775	8920
в том числе КНР	970	1218	1720	2705
Страны СНГ и Восточной Европы	2750	1850	2100	2380
в том числе Россия	1268	1020	1050	1170
Мир в целом	12464	14110	17510	20850

Морские месторождения углеводородов являются стратегическим запасом России. Начальные суммарные запасы на континентальном шельфе, включая накопленную добычу и извлекаемые запасы, составляют 76,4 трлн м³ газа (32 % от общих запасов России) и 15,1 млрд т. нефти (14 % запасов). Преобладающая часть этих углеводородов залегает в Баренцевом, Карском и Охотском морях.

Такой энергетический потенциал позволит системе морского хозяйства, функционирующей на Арктическом региональном направлении национальной морской политики, занять ведущее место в экономике России.

Сегодня Россия представляет собой морскую державу регионального масштаба, из чего следует насущная необходимость региональной сбалансированности морской деятельности в районах взаимного интереса; это касается как ограничения военно-морской деятельности и регионального контроля над морскими вооружениями, так и согласования экономической морской деятельности.

Поэтому морские энергетические ресурсы как стратегический национальный резерв представляют собой своего рода мобилизационную составляющую национальной энергетики, которая может быть использована в стратегически значимых политических ситуациях и должна находиться в заданной готовности к такому использованию. Сущность понятия экономической мобилизации состоит в способности экономической системы адекватно реагировать на возникающие вызовы и угрозы различного (в современных условиях особо значимыми для национальной безопасности России – в сфере энергетики) характера. То есть мобилизационная составляющая энергетической системы функционирует постоянно, независимо от состояния экономической конъюнктуры национального и мирового хозяйства. Ориентируясь на расходы по добыче нефти в США (в сравнимых условиях), российская нефть континентального шельфа Арктики будет рентабельна при реализации по цене 15 USD/ барр.

США это понимают, расширяя национальную энергетическую систему и ставя под контроль основные мировые потоки углеводородного сырья. При этом в вопросах обеспечения энергобезопасности между Россией и США, при всей их "однополярности", вполне может существовать и особый статус двухсторонних отношений. К тому же исторический опыт свидетельствует о том, что в мирное время источником конфронтации являются именно морские державы, а в условиях конфликтов последние становятся союзниками России.

Действительно, в ближайшее время России не удастся сравниться с ведущими морскими державами в совокупности по количеству морских вооружений и степени глобального охвата Мирового океана. Поэтому если нельзя выйти победителем из противостояния с морской державой, эту державу следует превратить в союзники, и у России есть такая возможность на основе обеспечения энергетической безопасности как геоэкономической, так и геополитической конструкции современного мира.

Для Европы же Россия представляет интерес не только как основной поставщик энергоресурсов, но и как емкий рынок, как транзитная территория при поставке товаров на юг.

США обладают очень разнообразной "нефтяной корзиной", где ближневосточная нефть – не главная. Из Канады, Мексики, Южной и Центральной Америки, а также Африки США получают 360 млн т. нефти в год, а со всего Ближнего Востока – 114 млн т. К тому же сами США обладают 10 % мировой добычи, без учета разведанных месторождений на Аляске. Крупнейшие поставщики нефти в

США – Мексика, Канада, Саудовская Аравия и Венесуэла. Кроме того, американцы ведут активную разведку и добычу в Африке (особенно в Экваториальной Гвинее), составляя конкуренцию Великобритании и Франции.

Следует отметить, что хотя крупнейшие потребители нефти и газа действительно заинтересованы в том, чтобы снизить свою нефтяную зависимость от Ближнего Востока, Россия не может заменить этих поставщиков. США перерабатывают в год 561 млн т. нефти, при этом из России и СНГ получают всего около 10 млн т. Россия не готова заменить своими поставками арабскую нефть. К тому же задача двукратного увеличения ВВП потребует больше нефти для использования на внутреннем рынке.

Что касается форсированного освоения морских месторождений нефти и газа в Арктике, то следует подчеркнуть, что это стратегический резерв развития экономики России в будущем, значимый не столько в чисто экономическом смысле, сколько с позиций "устойчивого развития (sustainable development)" морской экономики региона в концепции обладания морем, своего рода инструмент стратегического "энергетического сдерживания", дающий России определенный статус-кво в глобальной системе международных отношений. Государство, тем более с сырьевой ориентацией экономики, должно иметь такой стратегический резерв, ресурсы для маневра на геополитическом и геоэкономическом атласе современного мира.

6. Заключение

Таким образом, следует перестать рассматривать энергетические ресурсы с товарной точки зрения. Сегодня они становятся основой национальной безопасности. Морские месторождения углеводородов являются стратегическим запасом России. Такой энергетический потенциал позволит системе морского хозяйства, функционирующей на Арктическом региональном направлении национальной морской политики, занять ведущее место в экономике России и в мировой энергетике.

Литература

- Globalization. *Financial Times*, November, N 5, p.9, 1995.
- Levitt T.** The globalization of markets. *Harvard Business Review*, May, 1983.
- Sherman K.** Sustainability, biomass yields, and health of coastal ecosystems: An ecological perspective. *Marine ecology progress series*, v.112, p.15-26, 1994.
- Бурцев О.В., Козьменко С.Ю., Шиян Г.Н.** Современная Россия и морская цивилизация. *Морской сборник*, № 6, с.17-21, 2006.
- Гранберг А.Г.** Морская стратегия как основа развития производительных сил в Арктике. *Морской сборник*, № 8, с.52-54, 2006.
- Денисов В.В.** Эколого-географические основы устойчивого природопользования в шельфовых морях. *Апатиты, КНЦ РАН*, 502 с., 2002.
- Козьменко С.Ю., Семенов С.В., Кибиткин Ю.А.** Экономическая мобилизация морского хозяйства в целях обеспечения военно-морской деятельности. *Морской сборник*, № 3, с.51-52, 2005.
- Корзун В.А.** Интересы России в Мировом океане в новых геополитических условиях. *М., Наука*, с.522, 2005.
- Крамаренко В.Г.** Национальные интересы России в Мировом океане. *Морской сборник*, № 6, с.39-42, 2006.
- Литовка О.П., Столбов А.Г., Соловьева И.С.** Национальные интересы России в морях Европейской Арктики. *Морской сборник*, № 6, с.43-47, 2006.
- Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. *Независимое военное обозрение*, 3 августа, 2001.
- О континентальном шельфе Российской Федерации. *Федеральный закон РФ от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ. Собрание законодательства РФ*, 04.12.95, № 49, 1995.
- Панов А.В.** Морская сила России. 300 лет в погоне за океаном. *М., Эксмо*, с.445, 2005.
- Савельева С.Б.** Региональный хозяйственный комплекс в Европейской Арктике: методология организации и стратегия развития. *СПб., СПбГУЭФ*, с.147, 2006.
- Савельева С.Б.** Формирование региональных хозяйственных систем на Северо-западе России в условиях интеграции. *СПб., СПбГУЭФ*, с.179, 2003.
- Соловьева И.С.** Глобализация и корпоративные отношения в морской экономике Севера. *Морской сборник*, № 11, с.51-56, 2006.
- Столбов А.Г.** Научные проблемы по обоснованию Морской стратегии России. *Морской сборник*, № 6, с.52, 2007.
- Теория и практика морской деятельности. Под ред. Г.К. Войтоловского. *М., СОПС*, № 9, с.219, 2006.
- Шишков Ю.В.** Россия в глобализируемой системе международных хозяйственных связей (материалы к лекциям и семинарам). *Российский экономический журнал*, № 9-10, с.79-89, 1998.